

Следы принадлежности эпизода к преданию проявляются в бытовых подробностях, в конкретных деталях, в установке на историческую и бытовую достоверность, которая сочетается с некоторыми элементами вымысла.

Однако, нельзя отрицать возможности существования и песен на ту же тему. Именно песен, а не одной песни, как это обычно утверждали. Дело в том, что если подходить к эпизоду о Федоре и Евпраксии со стороны фольклорных реминисценций в нем, то обнаруживается, что реминисценции эти не едины в сюжетно-стилевом отношении. Рядом с образами и деталями эпического плана ощущаются следы образов и мотивов народной лирики. Трудно представить себе возможность объединения — в народной поэзии — в один сюжет обеих частей эпизода, хотя в «Повести», как произведении иной по сравнению с фольклором художественной системы, они составляют единое целое.

Если предполагать, следовательно, существование песен, то надо думать, что история о Федоре входила скорее всего как часть в какое-то эпическое произведение о нашествии Батыя на Рязань (может быть, это была историческая песня), история же о Евпраксии могла быть оформлена в песенном сюжете, следы которого смутно проглядывают в поздней исторической песне о гибели Михаила Черкашенина.

2. Другое место в «Повести», которое исследователи также связывают с фольклором, — это рассказ о гибели рязанских князей-братьев и о битве рязанцев с татарами. По наблюдениям Д. С. Лихачева, «Повесть» собрала князей Рязанской земли, как живых, так и умерших, к 1237 г. «Родственные отношения всех этих князей эпически сближены, все они сделаны братьями. В последовавшей затем битве все эти князья гибнут, хотя об Олеге Красном (на самом деле не брате, а племяннике Юрия) известно, что он пробыл в плену у Батыя до 1252 г. и умер в 1258 г. Это соединение всех рязанских князей — живых и мертвых — в единое братское войско, затем гибнущее в битве с татарами, вызывает на память эпические предания о гибели богатырей на Калке, записанные в поздних летописях XV—XVI вв. Там также были соединены «храбри» разных времен и разных князей (Добрыня — современник Владимира I и Александр Попович — современник Липецкой битвы 1212 г.). И здесь и там перед нами, следовательно, результат общего им обоим эпического осмысления Батыева погрома как общей круговой чаши смерти для всех русских „храбров“». ¹⁵

Сходство рассказов несомненно. Но в летописной «Повести о битве на реке Калке» рассказ предельно скуп, и от предания в нем, быть может, только упоминание о гибели богатырей. Кстати сказать, вряд ли предание воспринимало богатырей как героев «разных времен»: ведь в эпосе все они принадлежали к одному «эпическому» времени Владимира Святославича. У нас нет оснований для сопоставления побитых при обороне Рязани князей с погибшими на Калке богатырями. Если в рассказе о гибели рязанских князей и есть эпические элементы, то идут они не от эпоса (ибо эпоса, посвященного князьям, мы не знаем) и не от исторических песен (в рассказе нет следов песенного сюжета), а от каких-то воспоминаний, которые получили законченную книжную обработку в соответствии с идейным замыслом автора — прославить рязанских князей как представителей родины. ¹⁶

¹⁵ Д. С. Лихачев. Повесть о разорении Рязани Батыем. — Воинские повести древней Руси. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949 (серия «Литературные памятники»), стр. 129.

¹⁶ Там же, стр. 133—139.